

Михаил Безродный
Лишние слова

Его имя я впервые услышал в Тарту, в середине 70-х, и с этого времени старался не пропускать ничего из подписанного им. Познакомились в середине 90-х, а наговориться не по телефону удалось лишь однажды — в 2000-м, на конгрессе в Тампере. Темой бесед и переписки была увлекательнейшая из охот: на подтексты. Впрочем, памятны и исключения: поселившись в 2001-м в массачусетском Кембридже и сообщив ему, что ночью нас, кажется, посетили еноты, я получил в ответ подробный отчет о мичиганской фауне. И с той поры знаю, когда над его домом с гоготом «ааа-хонг» пролетают канадские казарки.

Некоторые из наших наблюдений над подтекстами совпали, и это радовало: его — как свидетельство их неслучайности, меня — как случайная удача: возможность хоть изредка почувствовать себя Стариной Шурхендом. Иные, выходя на огневой рубеж, подолгу демонстрируют новинки прицельной оптики и не жалеют боеприпасов. Он поражал труднейшую мишень без лишних слов, с первого выстрела и словно без усилий. Этому нельзя было научиться и нельзя было не учиться.

После 9/11 не обсуждать «политику» не удавалось, и прежде интенсивная переписка из-за негибкости обоих заглохла — хорошо, что без тех слов, о которых потом сожалеешь. Нелепая, мальчишеская гордость всегда мешала мне сказать ему, сколь многим я ему обязан. Впрочем, он знал об этом: на титульном листе присланного мне экземпляра «The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature» написано:

Муза венчает науку, и ссылка подножье цитаты.
Графу Христовой горы в память об острове Иф.